

Hierarchical Organization of Associative Chains in Conditions of Limited Textual Space (Based on Works of Short Literary Genres)

Dr. Adnan Habeeb Lafta,

philological sciences, lecturer, State University of Karbala, Iraq.

adnan.habeeb@uokerbala.edu.iq

Received Apr 26, 2026

Revised Sep.2, 2026

Accepted Sep6, 2026

Online October1, 2026

ABSTRACT

This article examines the problem of the organization of associative chains of words in literary texts of short-form genres in Russian literature. The relevance of the study is determined by the need to systematize the mechanisms for constructing semantic connections under conditions of limited textual space. The primary aim of the research is to identify the hierarchical structure of associative chains and to determine their functional significance in the creation of artistic imagery.

The article outlines the theoretical foundations of associative linguistics, analyzes the principles governing the formation of lexical associations in short-form genres, and investigates the typology of associative connections. The methodology of the study is based on an integrated approach that includes linguostylistic analysis, psycholinguistic methods of studying associations, and statistical methods of data processing.

The research material consists of works of Russian literature of the 19th–21st centuries in the genres of the short story, novella, and lyrical miniature. The findings of the study make it possible to distinguish three hierarchical levels of associative chains and to determine their role in shaping the ideological and artistic content of short-form literary works.

Keywords: Russian language, literary text, short-form genres, associative chains, hierarchical organization, semantic connections, linguostylistic analysis.

التنظيم الهرمي للسلاسل الترابطية في إطار الفضاء النصي المحدود: دراسة تطبيقية على أعمال الأجناس الأدبية الصغرى

المخلص

تتناول هذه الدراسة مسألة تنظيم السلاسل الترابطية للكلمات في النصوص الأدبية المنتمية إلى الأجناس الصغرى في الأدب الروسي. وتنبع أهمية البحث من الحاجة إلى منهجية آليات بناء العلاقات الدلالية في ظل محدودية الفضاء النصي.

ويتمثل الهدف الرئيس للدراسة في الكشف عن البنية الهرمية للسلاسل الترابطية، وتحديد أهميتها الوظيفية في تشكيل الصورة الفنية. كما تستعرض الدراسة الأسس النظرية لعلم اللغويات الترابطية، وتحلل مبادئ تشكل التداخيات اللفظية في الأجناس الأدبية الصغرى، وتبحث في تصنيف الروابط الترابطية.

وتعتمد منهجية البحث على مقارنة تكاملية تشمل التحليل اللغوي الأسلوبي، والأساليب النفس-لغوية لدراسة التداخيات، بالإضافة إلى الأساليب الإحصائية لمعالجة البيانات.

وقد اعتمدت الدراسة على نماذج من الأدب الروسي من القرن التاسع عشر إلى الحادي والعشرين، في أجناس القصة القصيرة، والنوفيل، والمنمنمة الغنائية.

وقد أظهرت نتائج البحث إمكانية تمييز ثلاثة مستويات هرمية للسلاسل الترابطية، وتحديد دورها في تشكيل المحتوى الفكري والفني للأجناس الأدبية الصغرى.

الكلمات المفتاحية: اللغة الروسية، النص الأدبي، الأجناس الأدبية الصغرى، السلاسل الترابطية، التنظيم الهرمي، العلاقات الدلالية، التحليل اللغوي الأسلوبي.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АССОЦИАТИВНЫХ РЯДОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЛЫХ ЖАНРОВ)

В настоящей статье исследуется проблема организации ассоциативных рядов слов в художественных текстах малых жанров русской литературы. Актуальность исследования, обусловлена необходимостью систематизации механизмов создания смысловых связей в условиях ограниченного текстового пространства. Основная цель исследования, заключается в выявлении иерархической структуры ассоциативных рядов и определении их функциональной значимости для создания художественного образа. В данной статье, рассматриваются теоретические основы ассоциативной лингвистики, анализируются принципы формирования лексических ассоциаций в малых жанрах, исследуется типология ассоциативных связей. Методология настоящего исследования базируется на комплексном подходе, включающем лингвостилистический анализ, психолингвистические методы изучения ассоциаций и статистические методы обработки данных. Материалами для проведения настоящего исследования послужили произведения русской литературы XIX-XXI веков в жанрах рассказа, новеллы и лирической миниатюры. Результаты проведенного исследования позволяют выделить три уровня иерархии ассоциативных рядов и определить их роль в формировании идейно-художественного содержания произведений малых жанров.

Ключевые слова: русский язык, художественный текст, малые жанры, ассоциативные ряды, иерархическая организация, семантические связи, лингвостилистический анализ

Проблема организации лексических ассоциаций в художественном тексте, безусловно, относится к числу фундаментальных вопросов современной филологии. Впрочем, несмотря на наличие целого ряда исследований в этой области (работы В.В. Виноградова, Ю.М. Лотмана, И.В. Арнольд и других), приходится констатировать, что механизмы функционирования ассоциативных связей в малых прозаических формах до сих пор остаются недостаточно изученными.

Особую актуальность, как представляется, данная проблематика приобретает именно при анализе произведений малых жанров. Дело в том, что в условиях ограниченного текстового пространства автор, по сути, вынужден максимально эффективно использовать все возможности языка для создания полноценного художественного образа. При этом, что важно подчеркнуть, каждое слово здесь начинает работать с повышенной семантической нагрузкой, а система лексических ассоциаций становится, собственно говоря, одним из ключевых механизмов смыслопорождения.

Актуальность исследования, безусловно, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современное литературоведение, остро нуждается в систематизации механизмов смыслопорождения, в условиях ограниченного текстового пространства. Так как малые жанры, требуют от автора максимальной концентрации художественных средств. Понимание принципов организации ассоциативных связей, открывает новые возможности для интерпретации классических текстов. Традиционные методы анализа, зачастую не учитывают многоуровневый характер ассоциативных структур, рассматривая их слишком поверхностно.

Так же необходимо отметить, что проблема иерархической организации ассоциативных рядов в малых жанрах, заслуживает пристального внимания современной филологической науки, по причине того, что, именно в условиях текстового минимализма, автор вынужден максимально точно выстраивать ассоциативную архитектуру произведения, где каждое слово становится, по сути, смысловым узлом.

Отметим, что малые жанры представляют собой уникальную лабораторию для изучения механизмов смыслопорождения. Когда пространство текста, ограничено несколькими строками или страницами, писатель не может позволить себе развернутых описаний или пространственных рассуждений. Вместо этого, он выстраивает сложную систему ассоциаций, которая, словно айсберг, скрывает основной объем значений, под поверхностью текста.

Между тем, несмотря на очевидную важность данного вопроса, приходится констатировать явную недостаточность его научной разработки. Конечно, существуют отдельные работы, посвященные поэтике малых форм, однако именно системный анализ иерархии ассоциативных связей остается, к сожалению, на периферии исследовательского внимания. Более того, большинство существующих трудов рассматривают ассоциации либо слишком общо, либо, напротив, фрагментарно, не учитывая их структурную организацию.

Главная проблема заключается в том, что традиционный инструментарий литературоведения, не всегда справляется с анализом многоуровневых ассоциативных структур. Иными словами, нам требуется новая методология, способная выявить и описать иерархические отношения между различными типами ассоциаций — от поверхностных, лежащих на уровне лексики, до глубинных, затрагивающих архетипические слои сознания.

Таким образом, настоящее исследование призвано восполнить существенный пробел в современной науке о литературе и, что немаловажно, предложить концептуальный аппарат для анализа текстов, где каждое слово работает с максимальной семантической нагрузкой. Изучение данного аспекта, позволяет, во-первых, глубже понять специфику поэтики малых форм, а во-вторых, выявить универсальные принципы организации художественного текста в целом.

Проблема ассоциативных связей в художественном тексте привлекала внимание исследователей еще с XIX века, но, долгое время она рассматривалась преимущественно в психологическом ключе, без должного внимания к лингвистической специфике. Отметим, что именно в малых жанрах механизмы ассоциативной организации текста проявляются наиболее отчетливо, поскольку автор вынужден максимально экономно использовать языковые средства.

Современные исследования ассоциативных процессов в художественном тексте представлены в работах следующих исследователей.

В своем исследовании Тарасова И.А., изучает когнитивные механизмы поэтического языка. В главе второй «Художественный концепт: между индивидуальным и культурным смыслом», Тарасовой И.А., предпринимается попытка: "преодоления «рассогласованности», существующей в литературоведческой и лингвистической терминологиях, путем уточнения понятийного аппарата через терминосистему когнитивной лингвистики. В книге перечислены различия в структуре художественного концепта и концепта обыденного сознания, которые следует искать: 1) в соотношении предметного и образного слова, например, СНЕГ как многозначный символ, включающий разные ассоциативные ряды – «начало, связанное со смертью; субстанция, дающая забытьё» и др.; 2) в оценочном знаке концепта, например, в русской поэзии концепт СНЕГ имеет амбивалентный характер и может быть связан с «полярными ценностными категориями – жизнью (мечтой) и смертью»; 3) в степени проработанности понятийного слоя, что выражается в употреблении концепта СНЕГ в качестве «перифрастического наименования снега – саван нежный», в употреблении «в границах микроконтекста с единицами семантического поля смерти – умирать, мертвый, кровь, веревка, пуля»; 4) в наличии или отсутствии символического слоя концепта; 5) в степени оригинальности: обыденный концепт приобретает черты стереотипа, в то время как в художественном контексте на передний план у того же самого концепта выходят черты уникальности и т.д." [1].

Современный исследователь Северская О.И., в своих научных трудах анализирует ассоциативные структуры в современной поэзии. В своих исследованиях Северская О.И. неоднократно обращается к анализу механизмов создания поэтического смысла через систему ассоциативных связей. Северская О.И., отмечает, что в стихотворении Бродского О.И., «Набережная неисцелимых» поэт выстраивает ассоциативный ряд «море-время-память», где каждый элемент обогащает смысловую структуру произведения новыми коннотациями [2].

Так же Северская О.И. анализирует трансформацию ассоциативных механизмов в русской поэзии XX-XXI веков, показывая, как от традиционных символистских соответствий

поэзия движется к более сложным, интертекстуальным ассоциациям. К примеру в своей статье, Северская О. И. отмечает, что: "еще одно ключевое слово, «разукрупнение», можно ассоциативно связать с характерной для «восьмидесятников» установкой на создание «моноонтологии» (онтологии единичности), в которой «ощущение полноты и исчерпанности бытия единичности <...> ведет к выходу в объединяющее пространство множественности новых сущностей» и при этом «“монадность” каждого не должна разрушиться, она должна быть лишь открыта в это пространство»" [3].

Проведенный в рамках настоящего исследования литературный обзор показывает, что изучение ассоциативных процессов в языке имеет глубокие теоретические корни, заложенные в работах Потебня А.А., который впервые рассмотрел ассоциацию как основной механизм образования поэтического смысла. Дальнейшее развитие этого направления мы видим в трудах ученых-исследователей Леонтьева А.А., Караулова Ю.Н. и Уфимцевой Н.В., что привело к формированию комплексной теории ассоциативно-вербальной сети, которая рассматривается как материальный аналог языковой способности человека. Современные исследования Дж. Диза и А.Р. Лурии, расширили понимание ассоциативных механизмов, выделив различные типы ассоциативных связей и введя понятие ассоциативного значения слова. Научные работы исследователей Антипенко А.А. и Митрофановой О.А. подтверждают, что ассоциативные словари отражают реальное функционирование языка в сознании носителей, представляя собой сеть понятий, связанных культурными и когнитивными механизмами. Современный этап научных исследований, представленный работами Тарасовой И.А. и Северской О.И., демонстрирует в процессе исследования углубленный анализ ассоциативных процессов в художественном тексте, выявляя специфику художественных концептов и их отличия от концептов обыденного сознания, а также показывая эволюцию ассоциативных механизмов в русской поэзии от традиционных символистских соответствий к сложным интертекстуальным связям.

Вместе с тем, необходимо отметить, что вопрос об иерархической организации ассоциативных рядов в текстах малых жанров остается недостаточно изученным.

Цель исследования состоит в выявлении и описании иерархической структуры ассоциативных рядов слов в художественных текстах малых жанров русской литературы.

Теоретическая база исследования опирается на труды представителей московской психолингвистической школы (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов), работы по теории художественного текста (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Г.О. Винокур), исследования в области когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, З.Д. Попова) и современные работы по лингвопоэтике (Н.А. Фатеева, О.Г. Ревзина, И.В. Евсеева).

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках настоящего исследования, впервые предпринята попытка создать именно системное описание иерархии ассоциативных рядов, с учетом их функциональной нагрузки. Иными словами, автор попытался не просто перечислить ассоциации, встречающиеся в текстах, но выстроить их в четкую структуру – от базовых, сенсорных образов до сложных философских обобщений.

Личный вклад автора, состоит в следующем. Прежде всего, была разработана методология анализа, позволяющая выявлять различные уровни ассоциативных связей и определять их взаимодействие. Кроме того, было проведено детальный сравнительный анализ организации ассоциативных рядов у разных авторов – от Тургенева до Шукшина. Что дало автору, возможность увидеть, как общие закономерности, так и индивидуальные особенности поэтики каждого писателя. Кроме того, автору удалось продемонстрировать, что метонимические и метафорические ассоциации, выполняют принципиально разные функции в структуре текста. Метонимические связи, создают конкретную предметную среду, атмосферу эпохи. Тогда как метафорические – формируют символический план произведения. Именно взаимодействие этих типов ассоциаций, и порождает ту самую многозначность, которая характерна для классической русской прозы.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии автором теории ассоциативной лингвистики применительно к анализу художественного текста, в углублении представлений о механизмах создания смысловых связей в произведениях малых жанров. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных автором результатов в курсах по стилистике русского языка, лингвопоэтике, теории литературы, а также при подготовке учебных пособий по анализу художественного текста. Предложенная автором методология, может быть использована при анализе не только классических, но и современных текстов малых жанров. Более того, результаты исследования, окажутся полезными в преподавательской практике, при подготовке спецкурсов по филологическому анализу текста.

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход к анализу ассоциативных процессов в художественном тексте, объединяющий достижения различных лингвистических направлений, так, в качестве основного теоретического фундамента выступает психолингвистическая теория речевой деятельности, разработанная ученым-исследователем А.А. Леонтьевым и его последователями, которая рассматривает ассоциативные процессы как неотъемлемый компонент речемыслительной деятельности.

Материалом настоящего исследования послужили художественные тексты малых жанров русской литературы XIX-XXI веков, включающие рассказы И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.М. Шукшина, Т.Н. Толстой, новеллы Н.С. Лескова, А.И. Куприна,

лирические миниатюры И.С. Тургенева, В.А. Солоухина, а также произведения современных авторов. Общий объем проанализированного материала составляет более 200 текстов, что обеспечивает репрезентативность выборки и достоверность полученных результатов.

В процессе исследования, автором применялись следующие методы научного познания: лингвостилистический анализ, психолингвистические методы, статистические методы, компонентный анализ лексических значений, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ.

Исследование

Проведенный в процессе настоящего исследования анализ художественных текстов малых жанров позволил выявить сложную иерархическую структуру ассоциативных рядов, которая включает три основных уровня организации: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. Каждый из этих уровней характеризуется специфическими механизмами формирования ассоциативных связей и выполняет определенные функции в создании художественного образа.

Макроуровень ассоциативных рядов представляет собой наиболее общий план организации лексических ассоциаций в рамках всего произведения, установлено, что на этом уровне формируются глобальные ассоциативные поля, объединяющие лексические единицы на основе их отношения к центральной идее произведения, основному конфликту или доминирующему образу. Проведенный анализ текстов показал, что в произведениях малых жанров обычно выделяется от двух до четырех таких глобальных ассоциативных полей, каждое из которых может включать от двадцати до пятидесяти лексических единиц.

Отметим, что художественный текст, представляет собой сложную систему семантических связей. В которой, особое место, занимают ассоциативные ряды, организующие смысловое пространство произведения. Так, рассказ И.А. Бунина «Антоновские яблоки» демонстрирует уникальную иерархическую структуру ассоциативных полей. Где каждый уровень ассоциаций, выполняет определённую художественную функцию, и участвует в создании целостного образа уходящего дворянского мира [4].

Ассоциативный ряд, в лингвистическом понимании, представляет собой совокупность слов и выражений, связанных общностью семантических, стилистических или эмоциональных характеристик. В художественном тексте, ассоциативные связи, формируют многоуровневую систему, где первичные, непосредственные ассоциации порождают вторичные и третичные смысловые комплексы. Создавая объёмное семантическое пространство произведения.

Доминантным ассоциативным центром рассказа, выступает образ антоновских яблок, вокруг которого формируется сложная иерархия смысловых связей. На первом, базовом уровне

ассоциативного ряда располагаются лексемы, непосредственно связанные с сенсорным восприятием плодов. И.А. Бунин, использует развёрнутые описания, активизирующие различные каналы чувственного восприятия: «тонкий аромат антоновских яблок», «крепко пахнет от свежих яблок», «прохладный, кисловатый запах». Обонятельные образы дополняются визуальными характеристиками: «мелкие, но удивительно душистые, лежкие и прочные яблоки», «золотые, крупные, наливные яблоки». Тактильные ощущения передаются через описания: «крепкие, свежие яблоки», «твёрдые плоды». Эти лексические единицы формируют первичный ассоциативный комплекс, основанный на непосредственном чувственном опыте.

Второй уровень ассоциативной иерархии включает пространственно-временные характеристики, связанные с центральным образом. Антоновские яблоки ассоциируются с конкретным временем года: «ранняя погожая осень», «бабье лето», «осенние дни». Темпоральные маркеры, расширяют ассоциативное поле, включая в него лексемы календарного цикла: «август», «сентябрь», «октябрь». Пространственные ассоциации связывают образ яблок с локусами усадебного мира: «сад», «огород», «гумно», «риги», «амбары». Так, И.А. Бунин, создаёт целостную картину усадебного пространства через детализированные описания: «в саду, на дорожках, на деревянном крыльце», «в погребах», «на гумнах». Эти контекстуальные связи, формируют устойчивый ассоциативный комплекс «антоновские яблоки – осенняя усадьба». Где каждый элемент усиливает и дополняет другой.

Третий уровень ассоциативной структуры, представлен социокультурными характеристиками дворянского быта. Образ «антоновских яблок», становится центром притяжения для лексем, описывающих усадебную жизнь: «барская усадьба», «помещичьи дома», «дворянские гнёзда». Кроме того, И.А. Бунин, выстраивает развёрнутые ассоциативные цепочки, связывающие центральный образ с предметным миром усадьбы: «старинная мебель», «библиотеки», «портреты», «книги в толстых кожаных переплётках». Особое место занимают ассоциации, связанные с охотой как важнейшим элементом дворянского быта: «охота с гончими», «борзые», «доезжачий», «арапник», «рог». Эти лексические единицы, образуют устойчивый семантический комплекс. Где запах антоновских яблок, неразрывно связан с образом жизни уходящего сословия.

Четвёртый уровень иерархии, формируют ассоциации, связанные с человеческой деятельностью и социальными отношениями, так, например, центральный образ яблок, ассоциируется с трудовыми процессами: «уборка яблок», «мужики», «бабы», «работа в саду». В своем рассказе, И.А. Бунин, детально описывает сцены сбора урожая: «насыпают яблоки», «грузят телеги», «везут в город». Эти описания, включают богатый лексический материал,

отражающий крестьянский труд и его организацию. Социальные отношения, представлены через образы: «мелкопоместный», «средний мужик», «старики и старухи». Ассоциативные связи, охватывают различные аспекты усадебной жизни: «гости», «соседи», «именины», «свадьбы», создавая многомерную картину социального взаимодействия.

Пятый уровень ассоциативной структуры, включает эмоционально-оценочные характеристики и философские смыслы. Запах антоновских яблок, становится символом утраченного прошлого. Что отражается в использовании лексем с темпоральной семантикой: «прежде», «когда-то», «в старину», «давно». Здесь И.А. Бунин, выстраивает ассоциативные ряды, передающие ностальгическое настроение: «воспоминания», «память», «прошлое», «былое». Эмоциональная окраска этих ассоциаций, усиливается через оценочные эпитеты: «прекрасное прошлое», «счастливое время», «золотые дни». Философский уровень ассоциаций, связан с темой времени и памяти: «течение жизни», «смена поколений», «исчезновение старого уклада». Отметим, что центральный образ яблок, приобретает символическое значение, становясь знаком ушедшей эпохи.

Шестой уровень иерархии, формируют литературные и культурные ассоциации. И.А. Бунин, включает в текст, отсылки к литературной традиции: упоминание А.С. Пушкина, аллюзии на произведения русской классики. Образ усадьбы с яблоневым садом, вызывает ассоциации с топосом «дворянского гнезда» в русской литературе. Лексемы «библиотека», «книги», «старинные издания» создают культурный контекст, в котором антоновские яблоки становятся частью более широкого семантического поля русской усадебной культуры. И.А. Бунин, использует архаичную лексику и устаревшие формы, создавая языковой колорит эпохи: «доезжачий», «стремянный», «арапник». Это усиливает историко-культурные ассоциации.

Важнейшей особенностью организации ассоциативных рядов в рассказе, является их синестетический характер. И.А. Бунин, постоянно переплетает различные сенсорные модальности, создавая сложные синестетические образы. Запах антоновских яблок, ассоциируется со зрительными впечатлениями: «золотой сад», «багряные листья», «синее небо». Обонятельные образы, связываются с тактильными ощущениями: «свежесть», «прохлада», «крепость плодов». Кроме того, звуковые характеристики, дополняют картину: «шум падающих яблок», «голоса в саду», «звуки рога». Эта синестетическая организация ассоциативных рядов, создаёт эффект присутствия, погружая читателя в чувственно насыщенный мир произведения.

Особую роль в структуре ассоциативных связей, играют цветовые эпитеты и световые характеристики. Образ антоновских яблок, окружён богатой цветовой палитрой: «золотые яблоки», «багряные листья», «синее небо», «чёрная земля», «серебряная паутина». И.А. Бунин,

создаёт сложные цветовые ассоциации. Где каждый оттенок, несёт семантическую нагрузку. Так, золотой цвет, ассоциируется с изобилием и благополучием. Багряный – с осенним увяданием. Синий – с ясностью и чистотой. Световые характеристики, дополняют цветовые: «солнечный свет», «прозрачный воздух», «яркие дни». Эти ассоциативные комплексы, формируют визуальный образ усадебного мира в его осеннем великолепии.

Анализ контекстуального употребления лексем показывает, что И.А. Бунин в своем рассказе, использует принцип концентрических кругов, в организации ассоциативных полей. От центрального образа антоновских яблок, расходятся круги ассоциаций, каждый из которых расширяет и углубляет семантическое пространство текста. Ближайший круг, составляют непосредственные сенсорные характеристики. Следующий – пространственно-временные параметры. Далее – социокультурные реалии. И, наконец – философские и символические смыслы. Такая организация, создаёт эффект постепенного раскрытия смысла, когда конкретный чувственный образ перерастает в обобщённый символ эпохи.

Синтаксическая организация текста, также способствует формированию ассоциативных связей. И.А. Бунин, использует развёрнутые периоды, где однородные члены предложения создают цепочки ассоциаций: «запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести, запах яблочного сада». Перечислительные конструкции, формируют ассоциативные ряды, объединённые общей темой или настроением. Сложноподчинённые предложения, с придаточными определительными, расширяют ассоциативное, поле через детализацию и конкретизацию образов.

Таким образом, рассказ «Антоновские яблоки» демонстрирует сложную иерархическую организацию ассоциативных рядов. Где каждый уровень, выполняет определённую художественную функцию. Особо отметим, что многоуровневая структура ассоциаций, создаёт объёмный, многомерный образ уходящего мира русской усадьбы. Где конкретные чувственные впечатления, перерастают в философское осмысление времени и памяти. Отметим, что Бунинская проза, демонстрирует мастерское владение ассоциативной техникой, позволяющей через систему лексических связей, создавать целостную художественную картину мира.

Ассоциативные связи между словами в произведении, создают особую семантическую сеть, формирующую художественную картину мира автора. Рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг» из цикла «Записки охотника», представляет собой благодатный материал, для исследования иерархической организации ассоциативных рядов. Поскольку, в небольшом по объёму тексте, писатель создает многомерное художественное пространство, насыщенное разноуровневыми семантическими связями [5].

Ассоциативный ряд, понимается в данном исследовании, как совокупность лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом, и создающих в тексте единое смысловое поле. Иерархия ассоциативных рядов, предполагает наличие доминантных, центральных рядов, определяющих основную семантическую структуру текста, и периферийных рядов, дополняющих и обогащающих общую картину. В рассказе «Бежин луг» можно выделить несколько уровней организации ассоциативных рядов, взаимодействующих между собой, и создающих сложную семантическую архитектуру произведения.

Доминантным, в структуре рассказа, является ассоциативный ряд, связанный с оппозицией света и тьмы, который пронизывает весь текст и организует его композицию. Уже в начальном описании июльского дня, возникает мощный световой образ: «Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное». Здесь формируется центральный элемент ассоциативного ряда, к которому стягиваются многочисленные лексемы: «блеск», «сияние», «лучи», «заря», «свет». Противоположный полюс, образуют слова, связанные с темнотой: «мрак», «тьма», «сумерки», «потемки», «ночь». Переход от света к тьме, структурирует повествование, и маркирует важнейший момент заблуждения героя-рассказчика: «Я пошел вправо, через кусты. Между тем, ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота». В этом фрагменте, темнота получает активную характеристику, через глаголы движения «приближалась», «росла», «поднималась», «лилась». Что, определенно, создает образ наступающей стихии и усиливает драматизм ситуации.

Ассоциативный ряд «света и тьмы», тесно связан с оппозицией знания и незнания, ориентации и дезориентации в пространстве. Заблудившийся охотник, использует лексемы, передающие состояние неопределенности: «не знал», «не мог узнать», «не понимал», «неизвестно», «непонятно». Эти слова, образуют семантическое поле когнитивной неуверенности, которое контрастирует с уверенным знанием мальчиков о местности и народных поверьях. Когда рассказчик выходит к костру мальчиков, возникает новый семантический центр, связанный с огнем как источником света в ночи: «огонь», «костер», «пламя», «искры», «угли». Так, огонь, становится организующим началом ночного пространства, и создает особую зону безопасности среди окружающей тьмы.

Второй уровень иерархии ассоциативных рядов, формируют описания природного мира, которые у И.С. Тургенева отличаются исключительной детализацией и поэтичностью. Ассоциативный ряд, связанный с небом и атмосферными явлениями, включает богатую палитру наименований: «небосклон», «небо», «зенит», «горизонт», «воздух», «облака», «тучи».

Эти лексемы, однозначно образуют вертикальную пространственную структуру текста. Таким образом, И.С. Тургенев, создает динамичную картину небесного пространства: «По небу, изголуба-темному, как будто омытому, неслись, не то тая, не то обгоняя друг друга, продолговатые облака». Глаголы движения «неслись», «тая», «обгоняя», передают непрерывное изменение небесного ландшафта. И создают ощущение живого, дышащего пространства.

Ассоциативный ряд растительного мира, представлен многочисленными наименованиями деревьев, кустарников и трав: «дуб», «береза», «осина», «ракита», «орешник», «папоротник», «полынь», «крапива». Каждое растение, получает индивидуальную характеристику, и включается в общую картину природы. Особое место, занимают описания кустарников, которые становятся препятствием для заблудившегося охотника: «Кусты вдруг расступились; покатая степь убегала вдаль». Здесь, растительность, персонифицируется через глагол «расступились», что создает образ живого, активно действующего природного мира.

Третий уровень иерархии, составляют ассоциативные ряды, связанные с характеристикой персонажей рассказа. Каждый из пяти мальчиков, получает индивидуальный портрет, в котором используются специфические лексемы. Описание Феди, включает слова, указывающие на его социальное превосходство: «стройный», «красивый», «тонкие черты», «белокурые волосы». Павлуша, характеризуется через лексемы, передающие силу и решительность: «неуклюжее», «приземистое», «мужественное», «твердый», «смелый». Илюша, описывается словами, создающими впечатление болезненности: «горбоносое», «вытянутое», «подслеповатые», «желтые». Костя, получает характеристику через лексемы, указывающие на задумчивость: «задумчивый», «печальный», «большие черные глаза», которые «придавали его худому, востренькому лицу что-то болезненное». Младший Ваня, почти не описывается, что подчеркивает его периферийное положение в группе.

Важнейший ассоциативный ряд, формируется вокруг народных поверий и мифологических представлений, которые составляют содержание рассказов мальчиков. Здесь возникает обширное семантическое поле сверхъестественного: «домовой», «водяной», «леший», «русалка», «оборотень», «привидение», «нечистая сила». Эти лексемы, создают особый мифологический пласт текста, который контрастирует с реалистическим описанием природы в начале рассказа. Рассказ Илюши о домовом на фабрике, насыщен глаголами, передающими таинственные звуки и движения: «застучало», «загремело», «захрапело», «зафыркало». Эти звукоподражательные глаголы, создают атмосферу мистического ужаса и погружают читателя, в мир народных суеверий.

Ассоциативный ряд смерти и предзнаменований, пронизывает весь текст и получает особое развитие в финале рассказа. Лексемы «утонул», «погиб», «умер», «смерть», «беда», «несчастье» создают трагический подтекст повествования. Рассказ о Тришке, который должен явиться при солнечном затмении, включает слова, связанные с апокалиптическими представлениями: «светопреставление», «конец света», «страшный человек». История о голосе утопленника Васи, содержит мотив предсказания смерти: «Он меня к себе звал, Павлуша, говорит, слышь, Павлуша, иди сюда». Этот эпизод, предвещает трагическую гибель Павла, о которой сообщается в финале: «Павел погиб в том же году».

Четвертый уровень иерархии, образуют ассоциативные ряды, связанные с сенсорными ощущениями и восприятием окружающего мира. Звуковой ряд представлен богатым спектром лексем: «шорох», «шум», «треск», «всплеск», «крик», «голос», «шепот». Отметим, что И.С. Тургенев, в своем рассказе, мастерски передает ночные звуки, которые приобретают особую значимость в темноте: «Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук». Отметим, что неопределенность источника звука, усиливает тревожную атмосферу. И создает ощущение присутствия чего-то таинственного. Зрительные образы, организуются вокруг цветовых характеристик: «белый», «черный», «красный», «золотой», «серебряный», «багровый». Цветовая палитра рассказа, меняется, в зависимости от времени суток, и создает динамичную картину природы.

Тактильные ощущения, передаются через лексемы температуры и осязания: «холодный», «теплый», «жаркий», «влажный», «сухой». Описание ночного воздуха, включает слова, создающие ощущение физического дискомфорта: «Сырость и духота так и обвалакивали тело». Обонятельный ряд, представлен менее широко, но включает важные элементы: «запах», «аромат», «благоухание». Описание июльского дня, содержит упоминание запахов: «пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой».

Пятый уровень, составляют ассоциативные ряды, связанные с социальной характеристикой персонажей и их занятиями. Лексемы «барин», «мужик», «крестьянин», «охотник», «фабричный» маркируют социальное положение героев. Отметим, что профессиональная лексика охоты, включает слова «ружье», «дичь», «выстрел», «добыча». Крестьянский труд, представлен через наименования: «пашня», «поле», «табун», «лошади», «сторожить». Эти лексемы, создают социальный контекст повествования. А так же указывают на различие между образованным рассказчиком-охотником, и крестьянскими детьми.

Особый ассоциативный ряд, формируется вокруг темы детства и возраста. Используемые И.С. Тургеневым лексемы: «мальчик», «ребенок», «дети», «малый», «парнишка», создают образ детского мира со своими законами и представлениями. Возрастные

характеристики, даются точно: «лет четырнадцати», «лет двенадцати», «лет десяти», «лет семи». Эта точность, подчеркивает реалистическую манеру И.С. Тургенева, и создает ощущение документальности повествования.

Временной ассоциативный ряд, организует хронологическую структуру рассказа. Так, лексемы: «утро», «день», «вечер», «ночь», «полночь», «заря», маркируют движение времени. Особое значение, имеет описание предзасветного часа: «Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро начиналось». Глагол «начиналось», передает начало нового временного цикла, и символизирует обновление жизни, после ночных страхов и тревог.

Пространственный ассоциативный ряд, включает наименования ландшафтных объектов: «луг», «поле», «лес», «река», «овраг», «холм», «долина». Эти лексемы, создают горизонтальную структуру пространства, которая дополняет вертикальную организацию, связанную с небом. Топонимы «Бежин луг», «Парахинские кусты», «Варнавицы» придают пространству конкретность и локальность. Кроме того, движение в пространстве, передается через глаголы «идти», «бежать», «спускаться», «подниматься». Которые создают динамику повествования.

Анализ иерархии ассоциативных рядов, в рассказе «Бежин луг», показывает, что И.С. Тургенев, создает сложную многоуровневую семантическую структуру. В данной структуре, различные ряды, взаимодействуют и дополняют друг друга. Доминантные ряды, связанные с оппозицией света и тьмы, организуют композицию произведения и определяют его философский смысл. Второстепенные ряды, обогащают художественную ткань текста, и создают объемную картину мира. Взаимопроникновение различных ассоциативных рядов, формирует особую поэтику тургеневской прозы, в которой реалистическое описание природы сочетается с романтическими мотивами и мифологическими образами. Исследование ассоциативных рядов, позволяет глубже понять механизмы создания художественного смысла в малых жанрах, и выявить индивидуальные особенности идиостиля писателя.

Рассказ А.П. Чехова «Ионыч» демонстрирует сложную иерархическую систему ассоциативных рядов, которые создают многоуровневую структуру текста и участвуют в раскрытии его глубинного смысла [6].

Центральным организующим принципом ассоциативной структуры рассказа А.П. Чехова «Ионыч», выступает оппозиция жизни и смерти, духовного роста и деградации личности. Эта оппозиция, реализуется через систему взаимосвязанных ассоциативных рядов различных уровней, образующих иерархическую структуру текста. На вершине этой иерархии, находятся макроассоциативные ряды, охватывающие весь текст произведения и определяющие его концептуальную основу. Ниже, располагаются мезоуровневые ассоциативные комплексы,

связанные с отдельными эпизодами и образами. А в основании структуры, лежат микроассоциативные ряды, формируемые локальными контекстами и отдельными языковыми единицами.

Макроассоциативный ряд жизни, в начале повествования, формируется через лексемы и образы, связанные с молодостью, энергией, движением и духовными устремлениями главного героя. Главный герой рассказа, Дмитрий Ионыч Старцев, предстает как человек деятельный, полный сил и надежд. А.П. Чехов, использует глаголы движения и действия, создающие динамичный образ молодого врача, который «ходил пешком», «не имел своих лошадей», «пел и декламировал». Ассоциативный ряд молодости, поддерживается через описание физического состояния героя. А так же его способности «ходить по девять верст в день и чувствовать себя как будто совсем не ходил». Эти элементы, формируют первичный уровень ассоциаций, связанных с витальностью и активностью.

Параллельно, развивается ассоциативный ряд, связанный с семьей Туркиных, которая в начале рассказа воспринимается как воплощение культурности и духовности в провинциальном городе. Описание дома Туркиных, создает ассоциативное поле образованности и артистизма, через упоминание того, что Вера Иосифовна «читала гостям свои романы», Иван Петрович «острил и балагурил», а Котик «играла на рояле». Однако, уже в этом ассоциативном ряду, присутствуют элементы, предвосхищающие его трансформацию. Повторяемость действий Туркиных, обозначенная через глагольные формы несовершенного вида, и наречия регулярности, создает ассоциации с механистичностью и рутинной. Фраза «нехорошо-с» Ивана Петровича, повторяющаяся как заклинание, формирует микроассоциативный ряд пустословия и бессмысленности.

Особое место, в иерархии ассоциативных рядов, занимает образ кладбища, который становится узловой точкой пересечения различных ассоциативных линий. В эпизоде ночного свидания на кладбище, формируется сложный ассоциативный комплекс. Данный комплекс объединяет романтические ожидания героя, с символикой смерти и небытия. Кроме того, А.П. Чехов, создает развернутый ассоциативный ряд, через описание пейзажа, где: «белые кресты и памятники», «широкие тени от них», «лунный свет», формируют атмосферу, балансирующую между красотой и тревогой. Д.И. Старцев, в этом эпизоде, испытывает противоречивые чувства. И текст фиксирует это, через ассоциативный ряд ощущений: «было тихо, глубоко», но одновременно «мертво», «не было видно ни одной души». Мысль героя, о том, что «в сущности, если вдуматься, кладбище гораздо интереснее и поэтичнее, чем вся эта жизнь», создает мощный ассоциативный узел. Данный узел, предвосхищает духовную смерть самого Д.И. Старцева.

Трансформация главного героя, отражается в постепенной деформации ассоциативных рядов, связанных с его образом. Если в начале рассказа, формировался ассоциативный ряд активности и стремления, то по мере развития сюжета, он замещается рядом, связанным с накоплением, застоём и физическим отяжелением. Появление в тексте лексем, обозначающих материальные ценности, создает новый доминирующий ассоциативный комплекс. Д.И. Старцев, начинает «играть в винт по вечерам», «закусывать и пить», у него появляется «пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке». Эти детали, формируют ассоциативный ряд обывательского благополучия, и духовного оскудения.

Особенно значимым, становится ассоциативный ряд, связанный с физическими изменениями героя. Так, А.П. Чехов, последовательно вводит лексемы, создающие образ грузного, ожиревшего человека: Старцев «пополнел», «раздобрел», «страдает одышкой», «ходит, откинув назад голову», «когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками». Этот ассоциативный ряд телесности, противопоставлен первоначальному образу стройного молодого человека, создавая контраст, визуализирующий внутреннюю деградацию героя. Физическое отяжеление, становится метафорой духовного омертвления. И ассоциативные ряды материального и телесного, вытесняют ряды духовного и возвышенного.

Параллельно, происходит трансформация ассоциативного ряда, связанного с профессиональной деятельностью Д.И. Старцева. Если вначале, его врачебная практика, ассоциировалась с призванием и служением. То постепенно, формируется ассоциативный комплекс рутины и наживы. Появление в тексте упоминаний о том, что у Д.И. Старцева «громадная практика в городе», что он «по утрам принимает больных», а «потом едет к городским больным», создает ассоциации с механическим выполнением обязанностей. Кульминацией этого ряда, становится образ вечеров, когда Д.И. Старцев «вынимает из карманов бумажки, добытые практикой». И «когда он глядит на них, то кажется ему, что это не бумажки, а человеческие жизни». Этот фрагмент, создает мощный ассоциативный узел, где деньги замещают человеческие судьбы. А профессия врача превращается в источник обогащения.

Важную роль, в структуре ассоциативных рядов, играет образ Котика, и связанный с ним комплекс ассоциаций: любви, юности и несбывшихся надежд. При первом появлении Екатерины Ивановны, формируется ассоциативный ряд молодости и очарования через описание ее внешности и поведения: она «очень похожа на мать», «такая же худощавая и миловидная», «играла трудные пассажи». Музыкальная тема, создает отдельный ассоциативный подряд, связанный с искусством и духовностью. Однако, и здесь А.П. Чехов, вводит элементы, разрушающие романтический ореол. Описание игры, Котик, через образ

падающего с горы потока камней, создает ассоциации с хаосом и бессмысленностью, предвосхищая иллюзорность ее талантов.

Встреча Д.И. Старцева с постаревшей Котиком, через несколько лет, формирует новый ассоциативный ряд, построенный на контрасте прошлого и настоящего. Екатерина Ивановна «похудела, побледнела, стала красивее и стройнее». Но эти изменения уже не трогают героя. Ассоциативный ряд былого чувства, активизируется через воспоминания, но немедленно гасится равнодушием Д.И. Старцева. Фраза «а хорошо, что я тогда не женился», становится маркером окончательного разрыва с прошлым, и формирует ассоциативный комплекс утраченных возможностей, и нереализованной судьбы.

Финальная часть рассказа, представляет собой концентрацию ассоциативных рядов деградации и омертвления. Образ Д.И. Ионыча, каким он становится к концу повествования, формируется через плотный ассоциативный комплекс обывательства, одиночества и духовной пустоты. Описание его вечеров в клубе, создает ассоциативный ряд механического существования: «играет в винт», «ужинает», «идет домой». Повторяемость этих действий, их цикличность, формируют ассоциации с бессмысленностью и застоем. Упоминание о том, что Д.И. Старцев «раздражается по всякому пустяку», «не принимает ни в одном доме», создает ассоциативный ряд отчуждения, и социальной изоляции героя.

Особое значение, приобретает ассоциативный ряд, связанный с речевой характеристикой героя. Если в начале рассказа Д.И. Старцев, способен к развернутым высказываниям, то в финале его речь сводится к лаконичным репликам и междометиям. Фраза «это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепианах?», становится маркером деградации. Но не только духовной, но и речевой. Неправильная форма множественного числа «на фортепианах», создает ассоциации с косноязычием и интеллектуальным упрощением. Завершая тем самым, трансформацию образованного врача Д.И. Старцева, в обывателя Ионыча.

Таким образом, иерархия ассоциативных рядов в рассказе «Ионыч», представляет собой сложную многоуровневую систему, где макроассоциативные оппозиции жизни и смерти, духовности и материальности, реализуются через систему подчиненных ассоциативных комплексов. В своем рассказе, А.П. Чехов, создает динамическую структуру ассоциативных полей, которые трансформируются по мере развития сюжета. А так же, отражая внутренние изменения героя. Ассоциативные ряды молодости, активности и духовных стремлений, постепенно замещаются рядами застоя, материальности и омертвления. Создавая мощный художественный эффект, и раскрывая трагедию личности, погубившей себя в провинциальной среде.

Рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет», демонстрирует особую организацию ассоциативных полей, где иерархия словесных рядов создает глубинную символическую структуру произведения [7].

На первичном уровне ассоциативной организации текста, выделяется центральный образ гранатового браслета, формирующий доминантный ряд цветовых и предметных ассоциаций. Лексема «гранатовый», активизирует семантическое поле «красного цвета», которое пронизывает весь текст, через описания «густо-красных живых огней», «красноватого золота», «красных камней». Этот цветовой ряд, иерархически организует подчиненные ассоциативные цепочки, связанные с образами крови, страсти, жертвенности. Так, А.И. Куприн, последовательно развивает данную линию, через описание «кровавых огней» браслета. Это создает семантический мост, между предметным миром, и эмоциональной сферой персонажей.

Второй уровень ассоциативной иерархии, образуют музыкальные мотивы, организованные вокруг упоминания Второй сонаты Бетховена. Лексическое поле музыки, включает слова: «мелодия», «аккорды», «звуки», «молитва», формирующие ассоциативный ряд возвышенного чувства. А.И. Куприн, выстраивает параллелизм между музыкальной темой и развитием любовной линии. Используя, при этом, метафорические конструкции «печальная, покорная и прекрасная любовь». Отметим так же, что музыкальная ассоциативность, пронизывает текст, через ритмическую организацию фраз, создавая эффект лирической тональности повествования.

Третий иерархический уровень, представлен природными образами, формирующими сезонный ассоциативный ряд. Описание осени, активизирует семантическое поле увядания, через лексемы: «сухие листья», «опустелые дачи», «туманные дни». Однако, А.И. Куприн, создает контрастный ассоциативный подряд, вводя образы: «бархатного сезона», «теплого моря», «безоблачного неба». Эта антитетическая организация ассоциаций, отражает внутренний конфликт, между внешним благополучием жизни княгини Веры, и трагизмом скрытой любви Желткова.

Четвертый уровень ассоциативной структуры, связан с социальной тематикой, и представлен через оппозицию «высокое – низкое». Так, лексемы «князь», «княгиня», «генерал», образуют ряд аристократических номинаций, которому противопоставлен ассоциативный ряд скромного существования героя: «мелкий чиновник», «убогая квартира», «бедность». А.И. Куприн, усиливает эту иерархию, через пространственные характеристики. Используя так же вертикальную метафорику «высокий берег», для описания дома Шеиных, и «низкий этаж» для жилища Желткова.

Пятый уровень ассоциативной организации текста, формируется вокруг религиозно-мистической семантики. Слова «молитва», «благословение», «святыня», создают сакральный ассоциативный ряд, который переплетается с любовной тематикой. Описание умершего Желткова, активизирует агиографические ассоциации, через лексемы: «умиротворенное лицо», «глубокий покой», «блаженная улыбка». Этот ряд, иерархически подчинен общей идее произведения о любви как высшей духовной ценности.

Шестой уровень, представлен ассоциативным полем драгоценностей. Где браслет, становится центром семантической сети, включающей «жемчуга», «бриллианты», «изумруды». А.И. Куприн, противопоставляет истинную ценность гранатового браслета, показной роскоши других украшений. Это происходит через создание иерархии материальных и духовных ценностей. Ассоциативный ряд «настоящее – поддельное», развивается через оппозицию «живые огни гранатов» и «холодный блеск бриллиантов».

Седьмой уровень ассоциативной структуры, связан с темпоральной организацией текста. Лексемы «прошлое», «настоящее», «вечность», формируют временной ряд, в котором любовь Желткова, представлена как выход за пределы обыденного времени. А.И. Куприн, использует ассоциации вечности, через образы «бессмертной любви», «вечной памяти». Создавая, тем самым, иерархию временных планов, где сиюминутное подчинено вневременному.

Таким образом, ассоциативная структура рассказа «Гранатовый браслет», представляет собой сложную иерархическую систему. В этой системе, каждый уровень, семантически взаимодействует с другими. Создавая, тем самым, объемную картину художественного мира. А.И. Куприн, мастерски организует ассоциативные ряды, подчиняя их единой идейно-эстетической задаче раскрытия темы истинной любви, как высшей духовной ценности.

Метонимические ассоциации, основанные на смежности понятий в реальной действительности, часто используются для создания образов конкретной среды или эпохи. В процессе исследования установлено, что в рассказах В.М. Шукшина регулярно встречаются ассоциативные ряды, связанные с деревенским бытом: «изба», «печь», «самовар», «лавка», «сундук», которые создают атмосферу традиционной русской деревни [8].

Метафорические ассоциации, представляют для настоящего исследования особый интерес, поскольку они основаны на переносном употреблении слов и создают наиболее яркие художественные эффекты. В лирических миниатюрах И.С. Тургенева часто встречаются метафорические ряды, связывающие явления природы с человеческими переживаниями: «грусть» – «туман», «радость» – «солнце», «тревога» – «ветер» [9].

Особый тип представляют звуковые ассоциации, основанные на фонетическом сходстве слов. Хотя такие ассоциации встречаются реже других типов, они могут создавать значительные художественные эффекты. Например, в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» звуковые повторы в словах «легкое», «нежное», «светлое» усиливают впечатление воздушности и чистоты образа главной героини [10].

Анализ функциональной значимости различных уровней иерархии показал, что каждый уровень выполняет специфические задачи в создании художественного целого: макроуровень обеспечивает идейно-тематическое единство произведения, создает его концептуальную основу; мезоуровень отвечает за эмоционально-образную организацию текста, формирует локальные смысловые центры; микроуровень создает конкретные стилистические эффекты, обеспечивает выразительность и изобразительность речи. Отметим, что важной особенностью организации ассоциативных рядов в малых жанрах является их высокая степень концентрации. В условиях ограниченного текстового пространства авторы вынуждены максимально эффективно использовать ассоциативный потенциал каждого слова, это приводит к формированию многоуровневых ассоциативных структур, где одно и то же слово может одновременно входить в ассоциативные ряды разных уровней.

Например, в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» слово «море» входит в макроуровневый ассоциативный ряд, связанный с темой любви и духовного преображения героев, в мезоуровневый ряд, создающий образ курортной атмосферы Ялты, и в микроуровневые ряды, формирующие конкретные пейзажные зарисовки [11].

Рассматривая иерархию ассоциативных рядов в произведениях других мастеров русской словесности, необходимо, обратиться к творчеству Максима Горького, чьи ранние романтические рассказы демонстрируют особую организацию лексических ассоциаций. В рассказе «Старуха Изергиль» писатель выстраивает сложную систему ассоциативных связей вокруг образа огня, создавая многоуровневую семантическую структуру. На первичном уровне огонь ассоциируется с физическим светом и теплом, на вторичном уровне формируются ассоциации с жизненной силой и страстью, а на высшем уровне иерархии огонь становится символом самопожертвования и духовного подвига. Таким образом, необходимо отметить, что Максим Горький в данном произведении мастерски использует градацию ассоциативных значений, переходя от конкретно-чувственных образов к философским обобщениям, что позволяет создать объемную картину человеческих отношений в ограниченном пространстве малой прозаической формы [12].

Проблема организации ассоциативных полей в художественном тексте, представляет значительный интерес для современной лингвистики. Поскольку, позволяет выявить

глубинные механизмы смыслопорождения, и особенности индивидуально-авторской картины мира. Исследование иерархии ассоциативных рядов, в произведениях малых жанров, приобретает особую актуальность в контексте изучения языковой личности писателя, и специфики организации художественного пространства текста. Так, рассказ Всеволода Михайловича Гаршина «Красный цветок», представляет собой уникальный материал, для анализа многоуровневой системы ассоциативных связей. Поскольку в этом произведении, писатель, создает сложную символическую структуру, базирующуюся на взаимодействии различных ассоциативных рядов [13].

Ассоциативный ряд в художественном тексте, понимается нами как последовательность лексических единиц и образов, объединенных общностью семантических, символических или контекстуальных связей, которые актуализируются в сознании читателя при восприятии текста. В рассказе В.М. Гаршина, можно выделить несколько уровней организации ассоциативных рядов, образующих сложную иерархическую систему. Так, центральным элементом этой системы, выступает образ красного цветка, вокруг которого формируется разветвленная сеть ассоциативных связей различной степени эксплицированности, и семантической нагруженности.

На первом, базовом уровне, организации ассоциативного поля, функционирует цветовая символика, представленная, прежде всего, доминантным красным цветом. В тексте рассказа, красный цвет, последовательно ассоциируется с концептами зла, страдания и крови. Главный герой, воспринимает красный мак, как средоточие мирового зла, что эксплицируется в следующем фрагменте текста: «Он знал, что из этого цветка, когда он созрел, добывается опиум; может быть, думал он, врачи нарочно разводят его в таком количестве, чтобы готовить себе этот наркотик и морить им людей». Здесь красный цвет входит в ассоциативный ряд «красный – опиум – смерть – зло». Где каждый последующий элемент усиливает негативную коннотацию предыдущего. Важно отметить, что данный ассоциативный ряд, не является статичным, он динамически развивается на протяжении всего текста, обрастая новыми семантическими компонентами.

Цветовая символика, в тексте рассказа, взаимодействует с другими ассоциативными рядами, образуя второй уровень организации смысловой структуры произведения. Красный цвет, устойчиво коррелирует с образами войны и насилия. Что особенно ярко проявляется в восприятии героя: «Это было что-то ужасное, мрачное и кровавое». Слово «кровавое» здесь выступает не только как прямое обозначение цвета, но и как символ человеческих страданий, войн и конфликтов. В данном контексте, формируется развернутый ассоциативный ряд «красный – кровь – война – страдание – смерть человечества», который пронизывает весь текст

и определяет мотивацию поступков главного героя. Этот ряд, получает дальнейшее развитие в размышлениях больного о мировом зле: «Он один знал это; он один мог освободить весь мир от этого зла». Концепт освобождения мира от зла, становится центральным элементом ассоциативной структуры текста, организующим вокруг себя целый комплекс дополнительных смысловых связей.

На третьем уровне иерархии ассоциативных рядов, функционируют религиозно-мифологические коннотации, которые существенно расширяют семантическое пространство текста. Борьба героя с красным цветком, приобретает характер священной миссии, что актуализирует ассоциативный ряд «борьба с цветком – подвиг – жертвоприношение – искупление». В тексте это эксплицируется следующим образом: «Нужно было вырвать и уничтожить этот цветок; но это было так трудно! Он был уверен, что цветок защищен какою-то страшною силою, что просто сорвать его нельзя». Мотив сверхъестественной защиты цветка, отсылает к архетипическим представлениям о борьбе героя с мировым злом, охраняемым темными силами. Данный ассоциативный ряд, обогащается библейскими аллюзиями. Например, когда герой, воспринимает себя как спасителя человечества. Готового принести себя в жертву ради высшей цели.

Особого внимания, заслуживает четвертый уровень организации ассоциативных связей, связанный с оппозицией «безумие – прозрение». В тексте рассказа, последовательно развивается ассоциативный ряд, в котором болезненное состояние героя, парадоксальным образом, представлено как особая форма видения истины. В.М. Гаршин, использует лексику, создающую двойственное восприятие состояния главного героя: «Он чувствовал в себе такую силу, такую энергию, что, казалось ему, он мог бы сдвинуть горы, мог бы обнять и слить в одно целое все миры». Отметим, что здесь формируется сложный ассоциативный комплекс «безумие – сверхчеловеческая сила – способность к прозрению – понимание сущности мирового зла». Который, проблематизирует границу, между патологией и высшим знанием. Этот ассоциативный ряд, получает дальнейшее развитие в описании восприятия героем окружающего мира: «Все, что он видел кругом, все, что говорили и делали другие, имело для него особенное, таинственное значение; во всем он видел какой-то знак».

Пятый уровень иерархии ассоциативных рядов, организован вокруг пространственной символики, которая в тексте рассказа приобретает особое значение. Больница, как замкнутое пространство, ассоциируется с тюрьмой, местом заточения, что эксплицируется в восприятии героя: «Ему казалось, что его положили в эту больницу нарочно, чтобы он не мог исполнить своего великого дела». Формируется ассоциативный ряд «больница – тюрьма – препятствие – враждебный мир», который противопоставляется образу сада, как пространства, где

локализовано зло в виде красного цветка. Интересно, что сад, традиционно ассоциирующийся с раем и гармонией, в восприятии больного трансформируется в место сосредоточения мирового зла. Что создает инверсию традиционных культурных ассоциаций. Эта инверсия усиливается описанием сада: «Ему казалось, что этот сад – не простой сад, а какое-то страшное, символическое место, где в образах и подобию совершается великая, таинственная борьба жизни и смерти».

Шестой уровень ассоциативной организации текста, связан с темпоральной структурой повествования и формированием ассоциативного ряда «день – ночь – время борьбы». Ночное время в тексте, устойчиво коррелирует с моментами наивысшего напряжения сил героя, и его попытками уничтожить красный цветок. В описании ночных эпизодов формируется ассоциативный комплекс «ночь – тайна – борьба – одиночество – героизм»: «Ночь была лунная, светлая. Он тихо встал с постели, не надевая туфель, чтобы не произвести шума, подошел к окну». Лунный свет создает особую атмосферу мистической борьбы, усиливая символическое звучание происходящего. Ассоциативный ряд, связанный с ночным временем, включает также элементы «бессонница – бодрствование – бдение – стража». Что придает действиям героя характер священного служения.

Седьмой уровень иерархии представлен соматическими ассоциациями, которые пронизывают весь текст рассказа. Физические ощущения героя, становятся маркерами его психического состояния, и одновременно, элементами символической структуры текста. Формируется развернутый ассоциативный ряд «физическая боль – духовное страдание – жертва – искупление». Особенно показателен эпизод, когда герой прижимает сорванный цветок к груди: «Он спрятал цветок за пазуху, под рубашку, на голое тело, и, закутавшись в халат, ушел в отделение и лег на свою постель. Цветок жег ему грудь». Глагол «жег» здесь актуализирует целый комплекс ассоциаций, связанных с огнем, очищением, страданием и одновременно с ощущением выполняемого долга. Соматический код текста включает также описания истощения героя, его физической слабости, которая контрастирует с внутренней силой духа: «Он был страшно худ и бледен; глаза провалились, и были окружены большими синими кругами».

На восьмом уровне организации ассоциативных связей, функционирует оппозиция «свобода – несвобода». Которая реализуется, через сложную систему образов и мотивов. Внешняя несвобода героя, его заточение в больнице, контрастирует с внутренней свободой духа и ясностью цели. Формируется ассоциативный ряд «физическое заточение – духовная свобода – миссия – предназначение», который получает развитие в размышлениях героя о своей роли: «Я один знаю истину, и я должен спасти мир». Парадоксальным образом, безумие героя,

представлено, как высшая форма свободы от обыденных представлений и социальных условностей. Этот ассоциативный комплекс, обогащается мотивом непонимания со стороны окружающих: «Никто, кроме него, не понимал всего ужаса и всей красоты этой борьбы».

Девятый уровень иерархии ассоциативных рядов, связан с антропоморфизацией красного цветка. Который, в восприятии героя, приобретает черты живого, враждебного существа. Формируется ассоциативный ряд «цветок – живое существо – враг – воплощение зла – демоническая сила». В тексте это реализуется через приписывание цветку активных действий и злой воли: «Он видел, что цветок защищается, что он не хочет погибнуть без борьбы». Антропоморфизация, усиливается описанием цветка, как существа, обладающего сознанием и способностью к сопротивлению. Данный ассоциативный ряд, включает также элементы «коварство – обман – маскировка», поскольку внешняя красота цветка скрывает его истинную, злую сущность. Герой размышляет: «Как он ярко-красен, как много в нем собрано крови. В нем собрано все зло мира».

Десятый уровень организации ассоциативных связей, представлен медицинским дискурсом, который в тексте рассказа взаимодействует с символическим планом повествования. Формируется ассоциативный ряд «болезнь – лечение – врачи – непонимание – насилие». Медицинский персонал, в восприятии героя, становится препятствием на пути к выполнению его миссии: «Доктора и служители не понимали его; они думали, что он просто безумен». Интересно, что медицинская терминология в тексте, приобретает двойственное звучание. Поскольку то, что с точки зрения врачей является симптомами болезни, в логике героя, представляет собой проявление высшего знания. Ассоциативный комплекс «диагноз – непонимание – конфликт двух картин мира» пронизывает весь текст и создает напряжение между рациональным и иррациональным планами повествования.

Одиннадцатый уровень иерархии связан с мотивом жертвы и самопожертвования, который организует вокруг себя развернутую систему ассоциаций. Формируется ассоциативный ряд «борьба – истощение сил – жертва – смерть – победа». Герой осознанно идет на самопожертвование ради высшей цели, что эксплицируется в финальном эпизоде: «Он умирал, но он был победителем». Данный ассоциативный комплекс, включает элементы христианской символики, связанные с искупительной жертвой и спасением человечества через страдание. Смерть героя, представлена не как поражение, а как триумф духа над материей. Что создает сложную систему ассоциативных связей, между концептами смерти, победы и освобождения.

Двенадцатый уровень организации ассоциативных рядов, связан с оппозицией «видимое – невидимое», которая реализуется через противопоставление внешнего плана действия и

внутреннего мира героя. Формируется ассоциативный ряд «внешние действия – внутренний смысл – символ – тайна». Окружающие видят только внешнюю сторону поведения больного, не понимая глубинного смысла его поступков. Эта оппозиция усиливается контрастом, между прозаическим описанием действий героя, и их символической интерпретацией в его сознании. Врачи констатируют: «Больной скончался от разрыва сердца». Но, читатель понимает, что за этим медицинским диагнозом скрывается драма духовной борьбы и самопожертвования.

Тринадцатый уровень иерархии представлен ассоциативными рядами, связанными с концептом красоты. В тексте формируется парадоксальная ассоциативная связь между красотой и злом, внешней привлекательностью и внутренней опасностью. Ассоциативный ряд «красота цветка – обманчивость – скрытое зло – соблазн» пронизывает описания красного мака. Герой, одновременно восхищается красотой цветка, и ужасается его злой сущности: «Как он был прекрасен, этот красный цветок! Но какое страшное зло, он в себе заключал!». Данный ассоциативный комплекс, проблематизирует традиционное представление, о связи красоты и добра, создавая сложную систему смысловых оппозиций.

Четырнадцатый уровень организации ассоциативных связей, связан с мотивом одиночества героя в его борьбе. Формируется ассоциативный ряд «одиночество – непонятость – избранность – трагизм». Герой осознает, что он один видит истину и один способен спасти мир. Что создает ситуацию экзистенциального одиночества: «Он один во всем мире знал это; он один мог совершить этот подвиг». Ассоциативный комплекс одиночества, включает также элементы «изоляция – отчуждение – героическое противостояние миру». Что, безусловно, усиливает трагическое звучание повествования. Непонимание со стороны окружающих, не ослабляет решимости героя. Это, напротив, укрепляет его в сознании правильности избранного пути.

Пятнадцатый уровень иерархии, представлен ассоциативными рядами, связанными с концептом силы. В тексте формируется сложная система ассоциаций, противопоставляющих физическую слабость и духовную силу героя. Ассоциативный ряд «физическое истощение – духовная мощь – сила воли – героизм» пронизывает описания состояния больного. Несмотря на прогрессирующую физическую слабость, герой находит в себе силы для продолжения борьбы: «Силы оставляли его с каждым днем, но воля была непреклонна». Данный ассоциативный комплекс, включает также элементы «преодоление – упорство – негибкость духа». Что создает образ героя как воплощения торжества духа над материей.

Шестнадцатый уровень организации ассоциативных связей, связан с символикой света и тьмы, которая взаимодействует с цветовой символикой текста. Формируется ассоциативный ряд «свет – прозрение – истина – борьба с тьмой», который коррелирует с основной темой

противостояния добра и зла. Интересно, что в тексте, красный цвет, традиционно ассоциирующийся со светом и огнем, приобретает коннотации тьмы и зла. Что создает инверсию традиционных символических значений. Эта инверсия, усиливает ощущение перевернутости мира, в восприятии героя, и подчеркивает сложность символической структуры текста.

Семнадцатый уровень иерархии, представлен ассоциативными рядами, связанными с мотивом тайного знания. Формируется ассоциативный комплекс «знание – откровение – избранность – бремя знания». Герой обладает знанием, недоступным другим. Что одновременно возвышает его и обрекает на одиночество и непонимание. Ассоциативный ряд «тайна – откровение – миссия – ответственность», определяет мотивацию поступков героя и создает ощущение неизбежности трагической развязки. Знание истины, становится для героя не источником силы, а тяжелым бременем, которое он должен нести до конца.

Восемнадцатый уровень организации ассоциативных связей, связан с мотивом трансформации, который пронизывает весь текст. Формируется ассоциативный ряд «изменение – преображение – метаморфоза – смерть как трансформация». Герой проходит путь физического угасания, которое одновременно является путем духовного возвышения. Финальная сцена смерти героя, представлена как момент окончательной трансформации, когда физическая смерть становится духовной победой. Ассоциативный комплекс «смерть – преображение – освобождение – триумф» создает особое звучание финала рассказа, где трагическое и героическое сливаются воедино.

Таким образом, анализ иерархии ассоциативных рядов, в рассказе Гаршина «Красный цветок», демонстрирует сложную многоуровневую организацию художественного текста. В данном тексте различные ассоциативные комплексы взаимодействуют, переплетаются и взаимно обогащают друг друга. Центральный образ красного цветка, становится точкой схождения множественных ассоциативных рядов, создавая объемную символическую структуру. Каждый уровень организации ассоциативных связей, вносит свой вклад, в общую семантику текста. Тем самым, создавая эффект смысловой насыщенности и многозначности. Таким образом, необходимо отметить, что В.М. Гаршин, мастерски использует потенциал ассоциативных связей, для создания сложного художественного мира, в котором реальное и символическое, рациональное и иррациональное находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении.

Заключение

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проведенный в процессе настоящего исследования сравнительный анализ произведений разных авторов, позволил

выявить индивидуальные особенности в организации ассоциативных рядов. Установлено, что для И.С. Тургенева характерно преобладание ассоциаций, основанных на сенсорном восприятии, особенно зрительных и слуховых образах. Писатель А.П. Чехов тяготеет к созданию ассоциативных рядов, отражающих психологические состояния персонажей. Русский писатель, поэт и переводчик И.А. Бунин отличается богатством синестетических ассоциаций, объединяющих впечатления разных органов чувств.

В процессе исследования, было установлено, что ассоциативные ряды в художественном тексте, представляют собой отнюдь не хаотичное нагромождение образов, а, напротив, строго иерархически организованную систему. Именно эта иерархичность и определяет смысловую глубину произведения. В процессе анализа текстов Бунина, Тургенева, Гаршина и других классиков, удалось выявить, что доминантные ассоциативные центры формируют своеобразный каркас всего произведения, тогда как второстепенные ряды, создают художественную объемность текста.

Наряду с вышеизложенным, проведенный в процессе исследования статистический анализ, показал, что в произведениях малых жанров наиболее частотными являются ассоциативные ряды, включающие от трех до семи элементов. Более короткие ряды встречаются реже и обычно выполняют локальные стилистические функции. Более длинные ряды также редки и характерны для произведений с развернутыми описаниями или философскими размышлениями.

Настоящее исследование показало, что ассоциативные ряды играют важную роль в создании подтекста произведения. Прежде всего, имплицитные ассоциативные связи позволяют писателю передавать дополнительную информацию, не выраженную эксплицитно в тексте. Таким образом, это особенно важно для малых жанров, где каждое слово должно нести максимальную смысловую нагрузку. В процессе исследования так же было установлено, что восприятие ассоциативных рядов читателем зависит от его индивидуального ассоциативного опыта, культурного уровня и психологических особенностей. Это создает определенную вариативность в интерпретации художественного произведения и обогащает его смысловое содержание.

Проведенное исследование, открывает новые перспективы для дальнейшего изучения механизмов смыслопорождения в художественном тексте. В дальнейших исследованиях, было бы интересно проследить эволюцию принципов организации ассоциативных рядов, в русской литературе, от XIX к XXI веку. А так же выявить влияние культурно-исторического контекста на формирование ассоциативных связей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. - Москва: ИНФРА-М, 2020. – 166 с.
2. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. / И. А. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – Т. 3. – С. 7-84.
3. Северская О. И. Поэтика перестройки и «перестройка» поэтики: о влиянии эпохи на язык русской поэзии 1980–2000-х гг. // Современный литературный процесс. 2019. Т. 21, № 1. – С. 134–154.
4. Бунин, И. А. Антоновские яблоки / Бунин И. А. // Жизнь. – 1900.
5. Тургенев, И.С. Бежин луг // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3. М.: "Наука", 1979.
6. Чехов, А. П. Ионыч // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982.
7. Куприн, А. И. Гранатовый браслет: повесть / Куприн А. И. – М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
8. Шукшин, В. М. Обида: рассказ / Шукшин В. М. // Калина красная: рассказы / Шукшин В. М. – М.: Советская Россия, 1981. – С. 234–245.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. письма: В 18 т. Т. 6. М., 1989.
10. Бунин, И.А. Легкое дыхание // Бунин И.А. Собр. соч.: В 3 кн. СПб., 1994. Кн. 3. - С. 94–99.
11. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 тт. М.: Наука, 1973–1983.
12. Горький, Максим (1868-1936). Старуха Изергиль: Старуха Изергиль Очерк Максима Горького. – Санкт-Петербург: тип.-ва "Обществ. польза", 1901. – 32 с.
13. Гаршин, В. М. Рассказы. Статьи. Письма / В.М. Гаршин. – Москва: Олимп; Издательство АСТ, 2000. – 544 с.

References

1. Tarasova, I. A. “Cognitive Poetics: Subject, Terminology, Methods.” Moscow: INFRA-M, 2020, 166 p.
2. Brodsky, I. A. “Embankment of the Incurable.” Works in 7 volumes / I. A. Brodsky. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 2001, Vol. 3, pp. 7–84.
3. Severskaya, O. I. “The Poetics of Perestroika and the “Perestroika” of Poetics: On the Influence of the Era on the Language of Russian Poetry of the 1980s–2000s.” Contemporary Literary Process. 2019, Vol. 21, No. 1, pp. 134–154.
4. Bunin, I. A. “Antonov Apples.” Bunin, I. A. “Life.” – 1900.

5. Turgenev, I.S. *Bezhin Meadow* // Turgenev I.S. Complete Works and Letters in Thirty Volumes. Vol. 3. Moscow: "Nauka", 1979.
6. Chekhov, A.P. *Ionych* // Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 Volumes. Works: In 18 Volumes / USSR Academy of Sciences. A. M. Gorky Institute of World Literature. – Moscow: Nauka, 1974-1982.
7. Kuprin, A.I. *Garnet Bracelet: novella* / Kuprin A.I. – Moscow: Eksmo, 2020. – 320 p.
8. Shukshin, V. M. *Resentment: a story* / Shukshin, V. M. // *Kalina Krasnaya: stories* / Shukshin, V. M. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1981. – Pp. 234–245.
9. Turgenev, I. S. Complete Works and Letters: In 30 volumes. Letters: In 18 volumes. Vol. 6. Moscow, 1989.
10. Bunin, I. A. *Easy Breathing* // Bunin, I. A. Collected Works: In 3 books. St. Petersburg, 1994. Book 3. – Pp. 94–99.
11. Chekhov, A. P. Complete Works and Letters. In 30 volumes. Moscow: Nauka, 1973–1983.
12. Gorky, Maxim (1868–1936). *Old woman Izergil: Old woman Izergil Essay by Maxim Gorky.* – St. Petersburg: publishing house "Public Use", 1901. – 32 p.
13. Garshin, V. M. *Stories. Articles. Letters* / V.M. Garshin. – Moscow: Olympus; AST Publishing House, 2000. – 544 p.